

Конский убор Древнего Ирана: вопросы хронологии, происхождения и развития

Резюме. В статье представлены данные, позволяющие поставить вопрос о том, что сложение конской узды на территории Ирана и Закавказья в конце второго — начале первого тыс. до н. э. прошло независимо от аналогичного процесса в евразийских степях и на Северном Кавказе, но испытывало определенное европейское влияние. Некоторые элементы древневосточного конского убора обнаруживают связь с Центральной и Южной Европой (удила с плетеными и витыми стержнями, пронизи для перекрестных ремней оголовья, резные костяные псалии), но отсутствуют в конской узде к востоку от Центральной Европы. Напротив, характерные элементы конской узды, распространенные на Северном Кавказе и в евразийских степях (двукольчатые и стремячковые удилы, псалии с муфтами, крестовидные и шлемовидные пронизи), не известны в Иране и Закавказье. На Ближний Восток некоторые из этих элементов узды проникают позднее — в период киммерийско-скифских вторжений.

Ключевые слова: Древний Иран, Закавказье, Урарту, Европа, удила, псалии, пронизи для перекрестных ремней оголовья.

Medvedskaya I. N. Horse harness from Ancient Iran: Questions of chronology, provenance and development. The data presented in the article suggests that the development of horse bridles on the territory of Iran and the Transcaucasus in the Late Second and Early First Millennium BC was independent of the similar processes in the Eurasian steppes and North Caucasus, whilst being influenced to some extent from the European region. Some elements of horse bridles from the Iran-Transcaucasian region, such as bits with wrapped and twisted mouthpieces, fittings with plain head for cross-straps, and cheekpieces of carved antler, reveal a link with Central and Southern Europe but are not found further east (in the North Caucasus and in the Eurasian steppes). On the other hand, characteristic elements of the horse harness found in the Eurasian steppes and North Caucasus (double-ring bits, stirrup bits, cheekpieces with couplings, cross-shaped and helmet-shaped fittings for cross-straps) are known neither in Iran nor the Transcaucasus. Some of these elements penetrate into the Near East during the period of the Cimmerian and Scythian invasions.

Keywords: Ancient Iran, Transcaucasus, Urartu, Europe, bits, cheekpieces, fittings for cross-straps.

Во многих работах, посвященных развитию и хронологии конской узды начала I тыс. до н. э., рассматриваются вопросы происхождения и взаимовлияния в этой области материальной культуры. Тем не менее, время возникновения контактов через территорию Кавказа, которые могли оказать взаимное влияние на развитие узды в евразийском и ближневосточном регионах в доскифский период, остается не вполне определенным. Так, появление на Переднем Востоке однокольчатых удил с разъемными псалиями обычно объяснялось

проникновением этого типа узды из европейского ареала, где она первоначально была единственной конструкцией узды, через промежуточную территорию Кавказа. Хотя не исключался и другой путь из Европы и Средиземноморья через Малую Азию (Медведская 1983: 68; Медведская 2005: 123). С другой стороны, в некоторых работах рассматривается «сиалковский» тип трехдырчатых псалиев, который, по мнению исследователей, сложился на территории к северу от Кавказского хребта под влиянием формы псалиев, характерных для узды Центрального Ирана (Сиалк В; Эрлих 1994: 32, 66–68; Эрлих 2007: 131; Погребова 2011: 185–187). Общностью происхождения объясняется предполагаемая близость некоторых разновидностей псалиев по обе стороны Кавказского хребта (Иванчик 2001: 178; см. ниже).

Для решения вопроса о времени возникновения контактов между двумя регионами с изначально различными конструкциями узды необходимо вновь рассмотреть вопросы хронологии, происхождения и развития конского убора Древнего Ирана и Закавказья и уточнить ряд положений, высказанных автором в работах 1983 и 2005 гг.

В иранских памятниках конский убор наиболее полно представлен в могильнике Сиалк В и на поселении Хасанлу IVB. В них обнаружены обе конструкции узды, принципиально различных по способу соединения удила и псалиев. Они представляют две традиции, возникшие и первоначально существовавшие на различных территориях. К первой из них относятся двусоставные удила с напускными псалиями, ко второй — двусоставные удила с разъемными псалиями.

Двусоставные удила с напускными псалиями. Конструкция удила, которая характеризуется неразъемным соединением удила и псалиев, была распространена на Древнем Востоке уже во II тыс. до н. э. и фиксируется на типологически разных удилах — двучастных и более ранних жестких (одночастных) удилах (Potratz 1966: 103 ff.). Северной границей их распространения является Закавказье (рис. 1; 3).

В могильнике **Сиалк В** узда этой конструкции представлена двумя комплектами бронзовых удила с напускными подвижными псалиями из могилы 74. Отличительным признаком сиалковских удила являются подвижные внешние кольца удила, продетые во втулки, оформленные в виде сжатой руки, которой заканчивается каждое звено удила. Псалии с крупными петлями в одной плоскости с центральным отверстием находятся между «рукой» и внутренними соединительными кольцами грызла (рис. 1: 1)¹.

В **Хасанлу IVB** найдено три пары удила с напущенными подвижными псалиями и одна пара с неподвижными псалиями (Schauensee, Dyson 1983: 68–69, fig. 14–15) (рис. 1: 2; 3: 2). Эта конструкция узды в различных модификациях представлена в Иране находками в районе Луристана (в том числе с «рукой» и с аналогичными крупными петлями на псалиях — Potratz 1966: 135–137, Taf. LIV–LV; Moorey 1971a: 111–112) (рис. 1: 3), известен один комплект подобных удила из могильника Марлик (погребение 49)². Памятник датируется концом II —

¹ На фотографии петли псалиев, в отличие от рисунка, гораздо больших размеров.

² В прежних публикациях правый фрагмент удила на рисунке был помещен неверно: замкнутое кольцо — внешний элемент, петля — внутренний элемент грызла. Исправленный рисунок см. Negahban 1996: fig. 941, pl. 14.A (рис. 1: 5).

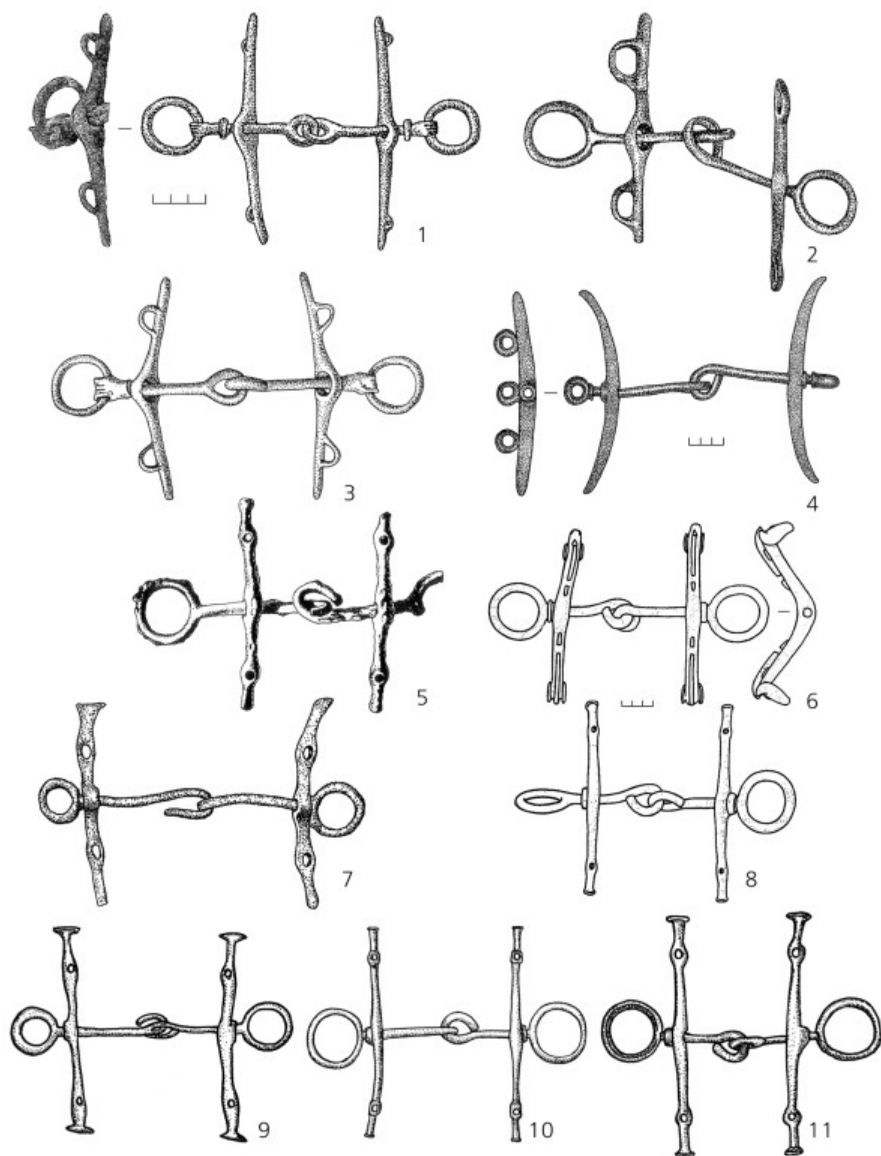

Рис. 1. Бронзовые удила с напускными псалями. 1 — Сиалк В, погребение 74; 2 — Хасанлу IVB (Иран); 3 — Иран, место находки неизвестно; 4 — Турция, музей г. Ван (удила с именем Менау); 5 — Марлик, погребение 49 (Иран); 6, 8 — курган у с. Сарычобан (Азербайджан); 7 — Мелаани (Грузия); 9 — Димац, могильник; 10 — Арчадзор, курган 1; 11 — Мингечаур, курган II (Азербайджан).

Fig. 1. Bronze bits with the cheekpieces moving freely on the canons. 1 — Sialk B, tomb 74; 2 — Hasanlu IVB (Iran); 3 — Iran, *loco incerto*; 4 — Turkey, Van museum (bits with the name of Menua); 5 — Marlik, tomb 49; 6, 8 — Sarychoban tumulus (Azerbaijan); 7 — Melaani (Georgia); 9 — Dimats cemetery (Armenia); 10 — Archadzor, tumulus 1; 11 — Mingechaur, tumulus II (Azerbaijan).

началом I тыс. до н. э. или по данным ^{14}C — между XIV–X вв. до н. э. (Negahban 1998: 46, 55). Все они, кроме луристанских с «рукой» и сиалковских удила, отличаются неподвижностью внешних колец. Это отличие очевидно связано с тем, что оба стержня сиалковских удила были отлиты одновременно — внутренние кольца грызла неразъемные. В таком случае псалии и шайбы надевались через внешние окончания стержней, оформленные в виде «руки», каждая из которых затем была загнута, зажав внешнее кольцо. Загнутая «рука» (втулка) не препятствовала движению кольца. Несмотря на различные способы напуска псалиев на стержни удила, наличие двух крупных петель на концах псалия делает удила из Сиалка, Луристана (Waele 1982: fig. 51) и Хасанлу близкими между собой. В Хасанлу IVB, судя по набору найденных *in situ* деталей, такие удила служили для запряжки колесничных коней (Schauensee 1989: 43)³.

Закавказские удила, так же как удила из Хасанлу и Марлика, характеризуются неподвижным закреплением внешних колец удила, отлитых вместе со стержнем, соединением двух частей удила путемковки после того как псалии были надеты на стержни грызла и некоторыми деталями псалиев. Примером раннего использования этой конструкции узды служат находки в Восточном Закавказье. В Карабахе (Агдамский район) в разграбленном кургане вблизи с. Сарычобан обнаружены остатки нескольких взнузданных коней (в том числе отдельные черепа коней). В составе уздечек были удила, пронизи, бляшки для украшения ремней оголовья. Опубликовано четыре пары удила из семи (в том числе одно звено удила) с напускными псалиями. У шести из семи пар удила псалии стержневидной формы с круглыми отверстиями на концах, расположенными перпендикулярно центральному отверстию. В одном случае чуть изогнутые пластинчатые псалии заканчиваются изображением конских головок, «грива» коней включает в себе прямоугольные отверстия, которые, в отличие от других псалиев, находятся в одной плоскости с центральным отверстием псалия (Джафаров 1993: рис. 6: 1, 9; 7: 1, 1a)⁴. Форма этих псалиев близка псалиям на биметаллических удилах из могильника Трели II (погребение 16, Тбилиси), датируемых рубежом IX/VIII — началом VIII в. до н. э. (Иванчик 2001: 190, рис. 92: 51–55).

Удила из Сарычобана со стержневидными псалиями аналогичны как иранским (Марлик), так и закавказским удилам (Димац, Арчадзор, Мингечаур), которые датируются XI–X вв. до н. э. (рис. 1: 8–11). Одним из датирующих признаков таких удила являются псалии с круглыми отверстиями на концах, перпендикулярных центральному отверстию псалия. Удила с изогнутыми псалиями с зооморфными окончаниями (тип III, по Потрацу) известны в Луристане и входят в круг так называемых луристанских бронз. Найденные вне комплексов, они не

³ В Хасанлу, где только удила найдено свыше 40 экземпляров, это обилие объясняется штурмом и последовавшей гибелью города. Примечательно, что большая часть уздечек находилась в конюшнях, где узда хранилась на полках, висела на столбах или выносилась из помещений. Так они и были найдены: возле тел погибших людей или погребенными под рухнувшими перекрытиями. Хотя в цитадели найдено девять скелетов коней, узды на них не было, что свидетельствует о внезапности штурма (Schauensee 1989: 37 ff.).

⁴ В работе М. Н. Погребовой профильный рисунок этих псалиев дан отдельно от самих удила, на которых они изображены в другом ракурсе (Погребова 2011: табл. XLIII: 4; XLIV: 4) (рис. 1: 6).

имеют независимых датировок и датируются или по стилистическим признакам (псалии на аналогичных удилах с головками львов датируются IX–VIII вв. до н. э. — Древности 1992: № 222), или по приблизительным аналогиям. Так, удила с «рукой» и псалиями с львиными головками П. Мури синхронизовал с сиалковскими удилами (погребение 74) на основании только наличия «руки» (Moorey 1971b: 122, fig. 5). Но вряд ли это возможно при столь различной форме самих псалиев (см. ниже). Следует обратить внимание на расположение петель: на сарычобанских псалиях они помещены на «внутренней» стороне изогнутого стержня, на луристанских — на «внешней». Сарычобанские псалии сближаются в этом плане с псалиями V-образной формы с петушиными головками (тип IV, по Потрацу). Они также происходят из Луристана и часто напущены на одночастные удила (Waele 1982: fig. 56; Moorey 1971b: 123, fig. 6). Датируются они немного позднее, поскольку предполагается, что найденные в Дельфах псалии V-образной формы были изготовлены не без влияния луристанских образцов (Moorey 1971b: 123; Muscarella 1977: 35).

Г. Ф. Джафаров датировал погребальный комплекс из Сарычобана в пределах XII–XI вв. до н. э. (Джафаров 1993: 205), М. Н. Погребова — концом XII–IX в. до н. э. (четвертый хронологический период: Погребова 2011: 137, 143–144).

К этому же периоду М. Н. Погребова отнесла могильник Борсунлу (Карабах; Погребова 2011: 144–145, табл. XLIII: 1–3). В нем также обнаружены скелеты взнузданных коней. Большинство найденных там удил того же типа, что и в Сарычобане. Редкой разновидностью в обоих памятниках являются удила с пластинчатыми псалиями. Они также известны на Ближнем Востоке (Погребова 2011: табл. XLIII: 2, 4, см. прим. 4; Potratz 1941: Abb. 2–3; 11).

В Кавказском регионе самой северной единичной находкой этой конструкции удил являются бронзовые плетеные удила из коллекции А. А. Бобринского (Верхний Кобан). Они отличаются сложным рисунком петельчатых псалиев, но внешние кольца сплетенных из прута удил подвижные, как и у сиалковских экземпляров. А. А. Иессен подчеркивал уникальность этих удил для этой территории (Иессен 1953: 94, рис. 27) (рис. 3: 8).

Удила с напускными псалиями использовались на Древнем Востоке уже в XIV в. до н. э. Даже такая деталь, как «рука» на концах стержней удил, держащая внешние кольца, известна на жестких удилах с круглыми напускными псалиями из Тель Амарны (Египет), Квемо Сасирети (Грузия) (XIV в. до н. э.; Potratz 1966: 110–112, Taf. XLIX: 115; fig. 46, d)⁵. П. Мури датировал найденные в Иране удила с напускными псалиями, имеющие петли на их концах (тип III, по Потрацу), основываясь лишь на дате Сиалка В и удил из Кармир-блур с именем царя Менуа. Он считал, что этот «базисный» тип был широко распространен в VIII–VII вв. до н. э. (Moorey 1971a: 112). Он полагал также, что удила с напускными подвижными псалиями в конце VII в. до н. э. заменились удилами, каждая часть которых отливалась вместе с соответствующим псалием и кольцом для повода. Удила с цельнолитыми звеньями существовали до ахеменидского времени (Там же). Однако П. Мури не привел дополнительных доказательств, обосновывающих включение VII века в датировку как самих удил с напускными,

⁵ В целом эта дата — XIV в. до н. э. — сохраняется в новых исследованиях (Погребова 2011: 32–33, 50–51).

подвижными псалями, так и замены в это время одной конструкции другой. Можно думать, что основанием для такой даты послужили лишь удила из Кармир-блур. Но эти удила датируются по именам царей VIII в. до н. э. (Менуа 810–784, Сардури 760–730 гг. до н. э.). П. Мури, видимо, был введен в заблуждение датой основания Кармир-блур/Тейшебаини при Русе 1 (685–645 гг. до н. э.). Тем не менее, известно, что при закладке Тейшебаини священное оружие, в том числе удила с именами предков, были принесены сюда из Эребуни (Арин Берд), основанного в 782 г. до н. э. Следовательно, удила этой конструкции из Кармир-блур не могут служить доказательством их использования еще в VII в. до н. э.

Предположение П. Мури о замене удил с подвижными псалями на цельнолитые в VII в. до н. э. не подтверждается новыми датировками памятников, в которых последние были найдены — например, в Северной Болгарии в кургане 2 у с. Енджа (впускное погребение 1), в Правобережном Поднепровье в кургане 376 у с. Константиновка (Иванчик 2001: рис. 96: 8, 16). Прежняя дата этих памятников VII в. заменяется теперь VIII в. до н. э., скорее всего, его второй половиной. Они предшествуют по времени кургану 524 у с. Жаботин, который датируется теперь не позднее конца VIII в. до н. э. (Дараган 2011: 560–572) или рубежом VIII/VII вв. до н. э. (Рябкова 2012: 346). Близки по времени и практически аналогичны по форме удила из погребения на возвышенности Чишхо (Адыгея; Иванчик 2001: рис. 97: 1–4). Подобные удила не единичны на территории Украины: они найдены у г. Лубны (Полтавская обл.), в раскопках А. А. Бобринского в Киевской губернии (Титенко 1954: 77–80). Предполагаемое заимствование этой формы удил непосредственно с территории к югу от Закавказья могло бы свидетельствовать о сосуществовании на Древнем Востоке обоих подтипов уже VIII в. до н. э., что действительно фиксируется, в частности, в Хасанлу IVB, где оба подтипа использовались в момент гибели города в 714 г. до н. э. Но в таком случае существующее мнение о том, что древневосточная конструкция узды попадает в Причерноморский регион из Передней Азии и Закавказья вместе с возвращавшимися оттуда евразийскими кочевниками, что могло произойти не ранее конца VIII в., не вполне убедительно, поскольку она уже раньше, согласно новой хронологии, использовалась в Причерноморье. Удила этой конструкции могли попасть в Причерноморский регион из Европы (см. ниже).

Важным хронологическим признаком, разделяющим удила с напускными псалями на две хронологические группы, является форма стержневидного псаля, расположение отверстий и наличие петель. Ранние удила имеют прямые напускные псаля с грибовидными или уплощенными шляпками, крайние отверстия перпендикулярны центральному (рис. 1: 5, 7–11). В поздней группе отверстия часто заменялись петлями, крайние петли и центральное отверстие псаля располагались в одной плоскости (рис. 1: 1–4, 6?). Кроме того, комплексы поздней группы памятников отличаются большим процентом железных изделий, а в памятниках VIII в. до н. э. сами удила часто бывают биметаллические — железные удила и бронзовые псаля (клад 1954 г. из Кармир-блур, бронзовые предметы с именами урартских царей VIII в.; Мартиросян 1964: 217). Именно эти различия ранних и поздних удил с напускными псалями позволяют сомневаться в предлагаемой М. Н. Погребовой датировке курганной группы и грунтового могильника Мингечаура VIII в. до н. э. (Погрехова 2011: 190, 193; см. ниже).

Наиболее близкими аналогиями удилам с напускными петлевидными псалиями из могилы 74 Сиалка В являются: удила с «рукой» (Иран, случайная находка), из Хасанлу IVB (рис. 1: 2–3), Луристана (Waele 1982: fig. 51) и Кировоаканского погребения VIII в. до н. э. (Армения; Мартиросян 1964: 216, рис. XXI: 19–20).

Характеризуя культуру Армении VII–VI вв. до н. э., А. А. Мартиросян отмечал, что для этого времени характерна полная замена бронзовых орудий и оружия железными. Причем, и это очень важно, они уже не повторяют формы бронзовых прототипов, что было характерно для IX–VIII в. до н. э. и не только в этом районе. М. Н. Погребова иначе определяет границы этого периода (пятый период по ее терминологии) — конец IX — первая половина VII в. до н. э. (Погребова 2011: 155–209). В материальной культуре Закавказья наблюдается четкое разделение культуры VIII и VII веков. Если VIII в. до н. э. тяготеет к предшествующему времени, то VII век служит началом нового периода. Означает ли это, что к концу VIII в. (или в начале VII в. до н. э.) двусоставные удила с подвижными напускными псалиями, характерные для предшествующего, довольно длительного промежутка времени, начинают выходить из употребления?

Верхняя дата удил из Хасанлу IVB определяется 714 г. до н. э., когда город был разрушен Саргоном II (Медведская 2010: 62). Город существовал и в IX в., что в данном случае не может определить начало использования таких удил в Хасанлу⁶. Дата могильника Сиалк В на основании датировки расписной керамики определялась второй половиной VIII в. до н. э. (Medvedskaya 1986). Таким образом, предварительная дата удил с напускными петлевидными псалиями из Хасанлу IVB и Сиалка В предлагается в пределах VIII в. до н. э. А удила из Марлика датируются предшествующим временем и синхронизируются с удилами ранней группы из Закавказья.

Двусоставные удила с разъемными псалиями представлены в могильнике Сиалк В бронзовыми и железными однокольчатыми удилами с гладкими стержнями и комплектными псалиями. В могилах 25 и 78 найдено по одной паре бронзовых удил без псалий (рис. 2: 1–2); в могиле 52 — две пары железных удил без псалий (рис. 2: 7); в могиле 15 — три пары бронзовых удил, из них только две пары с бронзовыми псалиями (рис. 2: 3–4) и пара железных удил с железными прямыми псалиями (рис. 2: 6, 8). В могиле 15 найдены также четыре фрагмента костяных изделий, которые Р. М. Гиршман назвал рукоятками (рис. 6: 6). Однако форма этих фрагментов: заостренные, чуть изогнутые концы и сближенные отверстия в одной плоскости, центральное из которых овальной формы, — предполагает, что это фрагменты костяных псалий, бывших в комплекте с одними из удил (вероятная длина целого псалия от 12 до 14 см)⁷. Бронзовые удила имеют крупные кольца на концах. Бронзовые псалии

⁶ Первооткрыватели Хасанлу датировали гибель города концом IX в. до н. э. в результате урартского завоевания. Дискуссию по датировке гибели Хасанлу IVB см.: Medvedskaya 1988: 1–15; Dyson, Muscarella 1989: 1–27; Medvedskaya 1991: 72–80.

⁷ Не вполне ясна ремарка С. Б. Вальчака относительно этих фрагментов, которые выполнены «в позднебронзовой традиции, и на которых имеется <...> однорядно-прямоугольный орнамент лицевой поверхности» (Вальчак 2009: 76). Видимо, имелась в виду овальная форма центрального отверстия. Что касается вертикальной штриховки, то это не более чем изобразительная манера художника (Татьяны Гиршман) — аналогичная штриховка, например, имеется на рисунках бронзовых псалий и удил из могилы 15 (Ghirshman 1939: pl. LVI).

изготовлены из прута прямоугольного сечения, псалии имеют круглые отверстия, расположенные в одной плоскости, и округлые плоские утолщения вокруг них (не муфты). Отверстия расположены по всей длине псалия, их концы короткие: один конец заострен, другой заканчивается шишечкой. Из-за сильной коррозии неясно, имели ли железные псалии петли или отверстия; очевидно лишь, что один их конец заострен, другой имеет утолщение, возможно шишечку. Удила из Гиана I (погребение 3) отличаются слегка уплощенной формой внешних колец и одним длинным концом каждого псалия (рис. 2: 5).

В цитадели Хасанлу IVB найдено 42 пары однокольчатых удил. Из них 24 (по одним данным) или 22 (по другим данным) бронзовых и 18 железных удил (Schauensee, Dyson 1983: 68; Muscarella 1988: 64). Из бронзовых удил: 13 — с плетеными, 2 — с витыми, 2 — с гладкими грызлами. Опубликовано также звено бронзовых удил с большим внешним кольцом и гладким стержнем (Muscarella 1988: 64–65, № 93). Остальные удила не описаны. С бронзовыми удилами использовались только бронзовые псалии.

Из 18 железных удил, по крайней мере, 11 были с гладкими звеньями, две пары с витыми стержнями (Schauensee, Dyson 1983: 63–64, fig. 17). В комплекте

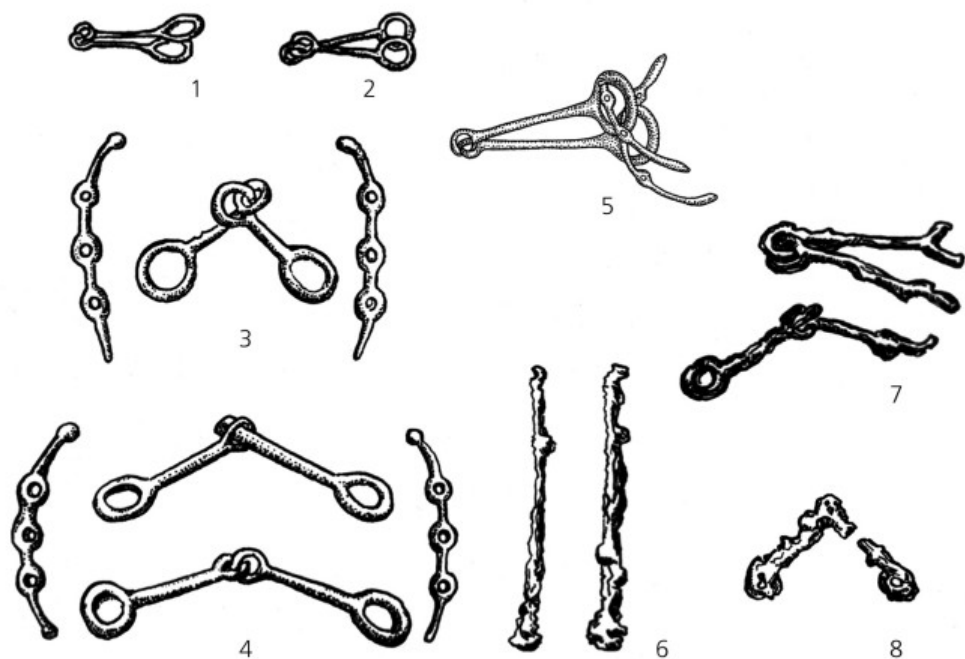

Рис. 2. Однокольчатые удила и разъёмные псалии из могильников Сиалк В (1–4, 6–8) и Гиан I (5). 1 — погребение 25; 2 — погребение 78; 3–4, 6, 8 — погребение 15; 7 — погребение 52; 5 — погребение 3 (1–5 — бронза, 6–8 — железо).

Fig. 2. Mono-ring bits and separated cheekpieces from Sialk B (1–4, 6–8) and Giyan I (5). 1 — tomb 25; 2 — tomb 78; 3–4, 6, 8 — tomb 15; 7 — tomb 52; 5 — tomb 3 (1–5 — bronze, 6–8 — iron).

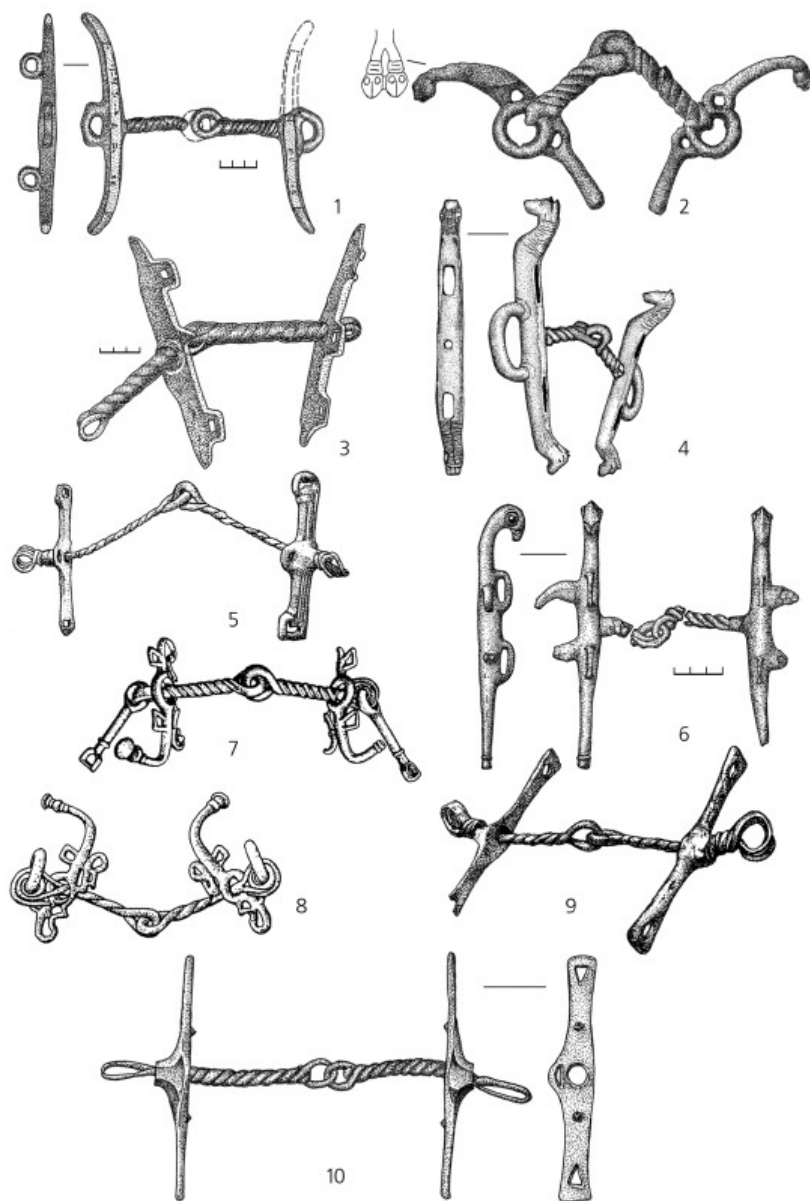

Рис. 3. Плетеные удила с напускными псалями. 1 — Азнавуртепе (Турция, имя Сардури II); 2 — Хасанлу IVB (Иран); 3 — Саламин (Кипр); 4, 6 — Алтынтепе, гробница 3 (Турция); 5 — Ашшур (Ирак); 7 — Болонья (Италия); 8 — Кобан (Северный Кавказ); 9 — Луристан, место находки неизвестно; 10 — Микены (Греция) (1 — бронза, железо; 2–10 — бронза).

Fig. 3. Bits with wrapped canons an unseparated cheekpieces. 1 — Aznavurtepe (Turkey, name Sarduri II); 2 — Hasanlu IVB (Iran); 3 — Salamin (Cyprus); 4, 6 — Altyntepe, tomb 3 (Turkey); 5 — Assur (Iraq); 7 — Bologna (Italy); 8 — Koban (North Caucasus); 9 — Luristan, *loco incerto*; 10 — Mycenae (Greece) (1 — bronze, iron; 2–10 — bronze).

с железными удилами применялись все обнаруженные псалии из рога оленя с тремя равномерно расположенными отверстиями (рис. 6: 5), в одном случае — бронзовые (Там же: fig. 9: *a–b*) и «единично» — железные псалии (Там же: fig. 8: *b*). Всего найдено 15 бронзовых псалиев. Наиболее типичными были трехдырчатые псалии с уплощенной зубчатой площадкой и длинными концами, каждый из которых равен длине площадки (Там же: 68, fig. 13). Среди остальных псалиев имеются S-овидные (Muscarella 1988: 65–66, № 94) (рис. 5: 1–2).

Все бронзовые удила второй конструкции имеют внутреннее «глухое» соединение стержней. Такая конструкция узды с разъемным соединением удил и псалиев была традиционной на обширной территории Южной Европы, евразийских степей и Северного Кавказа⁸. Сочетание бронзовой и железной узды в Сиалке В и Хасанлу IVB является признаком VIII в. до н. э.

В связи с вопросом **о путях проникновения** на территорию Древнего Востока удил с разъемными псалиями особого внимания заслуживают удила с плетеными грызлами как с напускными, так и с разъемными псалиями. В начале I тыс. до н. э. они были распространены в Малой Азии, Восточном Средиземноморье, Месопотамии, Закавказье и Иране. На Северном Кавказе и на территории евразийских степей они отсутствуют⁹. А. А. Иессен, рассматривая упомянутые плетеные удила с напущенными псалиями из коллекции А. А. Бобринского как импорт с территории Древнего Востока, описал их изготовление: «Удила скручены из бронзового откованного прута, первое звено сгибалось надвое, в месте сгиба оставлялась петля, а дальше стержень удил сплетался из двух прутьев, после этого на него насаживался псалий, а свободные концы закручивались в кольцо» (Иессен 1953: 94). Описанный способ изготовления удил был распространен в VIII в. до н. э. в Италии, откуда этот экземпляр и мог попасть на Северный Кавказ (Hase 1969: Taf. 9: 87, 90, 94; 10–13). У плетеных удил этой конструкции внутренние петли обычно «глухие», тогда как свободные концы (после напуска псалиев) могли быть закручены в многовитковое кольцо или на внешнем дополнительном кольце, как на итальянских и кобанских удилах (рис. 3: 7–8), или быть замкнуты в петлю, а концы стержней закручены на стержне, как на удилах из Ашшура и Луристана (рис. 3: 5, 9). У микенских удил конец прута закручен на внутренней петле (рис. 3: 10).

Формирование плетеных удил с разъемными псалиями мало чем отличалось: первоначально формировались внешнее и внутреннее кольца, происходило соединение обоих звеньев и свободные концы прута закручивались у основания колец (рис. 4: 2–8, 12–16). Итальянские удила сохраняли тот же способ закрутки концов прута на внешнем дополнительном кольце (рис. 4: 17).

⁸ Аргументы против изначально раздельного существования двух конструкций узды были предложены А. И. Иванчиком. Он полагает, что однокольчатые удила с разъемными псалиями возникли на Древнем Востоке уже в конце II тыс. до н. э. (Иванчик 2001: 137, 158 сл.). Однако приведенные А. И. Иванчиком данные в пользу этого, в действительности, не подтверждают его предположение (см. Медведская 2005: 120–122).

⁹ К. Метцнер-Небельзик подчеркивает, что они оставались чуждыми в южнорусско-украинских комплексах IX–VIII вв. до н. э. (Metzner-Nebelsick 2002: 311, 315); это же отмечает С. Б. Вальчак (2009: 43).

Рис. 4. Бронзовые плетеные (2–8, 12–17) и витые (1, 9–11) удила. 1–3 — Хасанлу IVB (Иран); 4 — Луристан или Северный Иран, случайная находка; 5 — Шамхорский могильник; 6 — Мингечаур, курган II; 7 — Калакент, погребение 47; 8 — Малый Курган (Азербайджан); 9–10 — Богемия; 11 — Кармир-блур (Армения); 12–15 — Турция, место находки неизвестно; 16 — Норшунтепе, погребение (Турция); 17 — Болонья (Италия).

Fig. 4. Bronze bits with wrapped (2–8, 12–17) and twisted (1, 9–11) canons. 1–3 — Hasanlu IVB; 4 — Luristan or North Iran, *loco incerto*; 5 — Shamhor cemetery; 6 — Mingechaur, tumulus II; 7 — Kalakent, tomb 47; 8 — Malıy Kurgan (Azerbaijan); 9–10 — Bohemia; 11 — Karmir-Blur (Armenia); 12–15 — Turkey, *loco incerto*; 16 — Norşuntepe tomb (Turkey); 17 — Bologna (Italy).

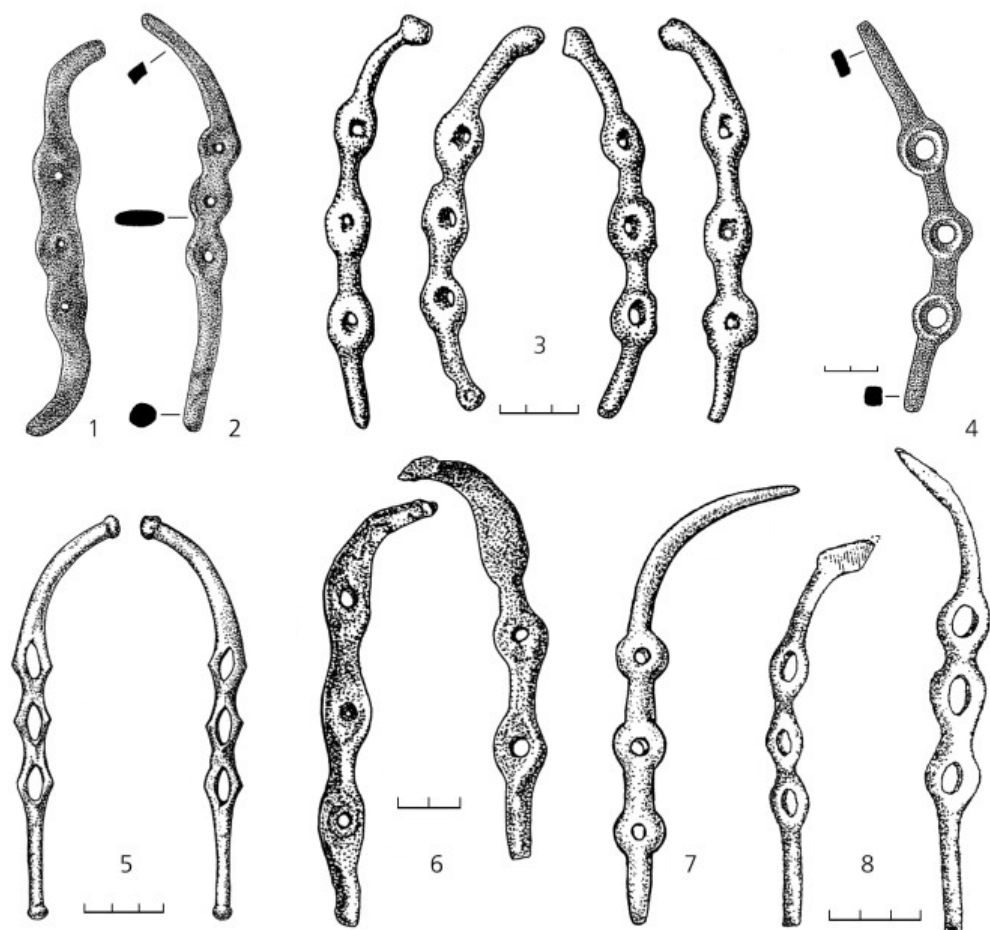

Рис. 5. Бронзовые псалии. 1–2 — Хасанлу IVB; 3 — Сялк В, погребение 15 (Иран); 4 — Восточная Анатолия, место находки неизвестно; 5 — Малый Курган; 6 — Мингечаур, курган II; 7 — Шамхорский могильник; 8 — Дивалона (Азербайджан).

Fig. 5. Bronze cheekpieces. 1–2 — Hasanlu IVB; 3 — Sialk B, tomb 15 (Iran); 4 — East Anatolia, *loco incerto*; 5 — Malyi Kurgan; 6 — Mingechaur, tumulus II; 7 — Shamhor cemetery; 8 — Divalona (Azerbaijan).

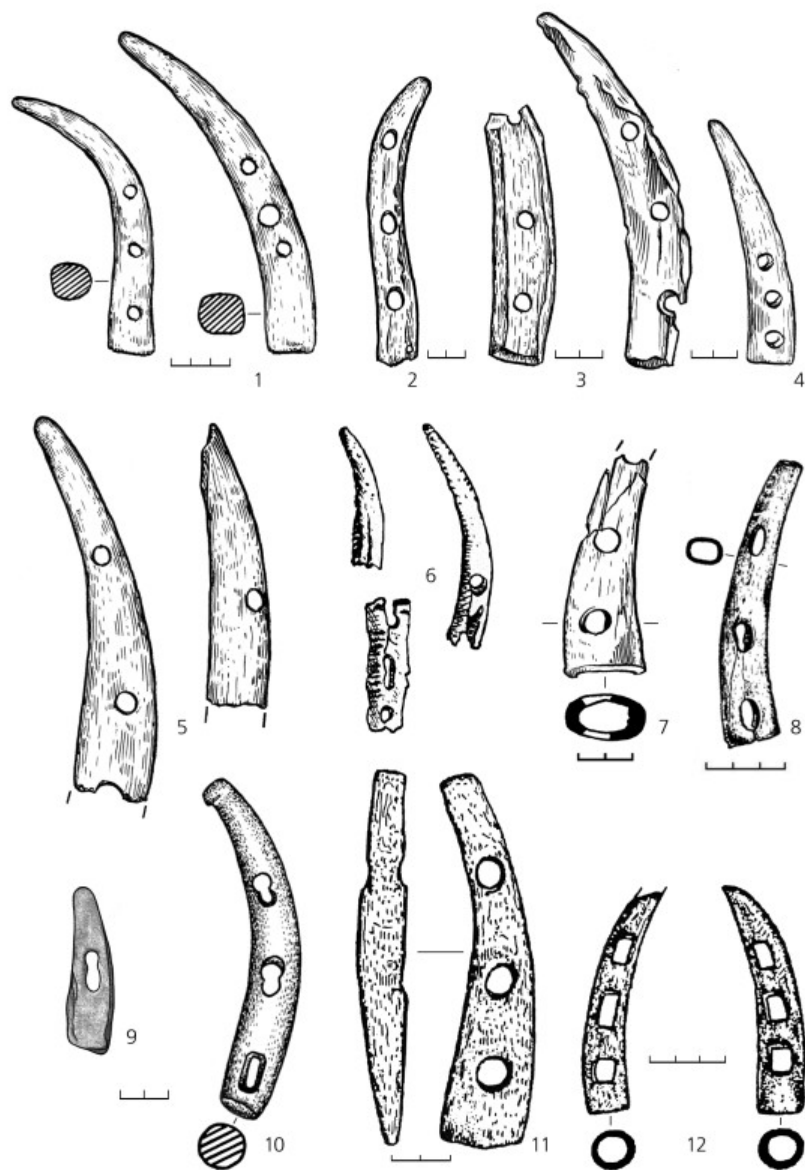

Рис. 6. Роговые и костяные псалии. 1 — Чавуштепе (Турция); 2 — Эребуни; 3 — Кармир-блур (Армения); 4 — Ркинис-Кало, погребение 27 (Грузия); 5 — Хасанлу IVB; 6 — Сялк В, погребение 15 (Иран); 7 — Днестровка-Лука, поселение; 8 — Сахарнянский могильник I, курган VI, погребение 1 (Среднее Поднепровье); 9 — Жаботин, поселение (Среднее Поднепровье); 10 — Сахарна Мааре, городище (Среднее Поднепровье); 11–12 — Фарс/ Клады, погребения 9 и 31 (Северный Кавказ).

Fig. 6. Antler and bone cheekpieces. 1 — Çavuştepe (Turkey); 2 — Erebuni; 3 — Karmir-Blur (Armenia); 4 — Rkinis-Kalo, tomb 27 (Georgia); 5 — Hasanlu IVB; 6 — Sialk B, tomb 15 (Iran); 7 — Dnestrovka-Luka settlement; 8 — Saharna, necropolis I, tumulus VI, tomb 1 (Middle Dniester region); 9 — Zhabotin settlement (Middle Dnieper region); 10 — Saharna Mare settlement (Middle Dniester region); 11–12 — Fars/ Klady, tombs 9 & 31 (North Caucasus).

Другим вариантом строгости удил являются удила с витыми стержнями. Оба звена, отлитые в форме замкнутых овалов, затем перекручивались — на таких удилах не видны концы закрепленных прутьев, а на внешних кольцах иногда имеются литники. Подобные удила известны в Западной Европе в VIII–VII вв. до н. э. — период NaB3–NaC, по периодизации Райнеке/Мюллера-Карпе, или NaC1a–NaC1/2, по обновленной хронологии (см. хронологическую таблицу: Кашуба, Левицкий 2012: рис. 1). Восточной границей распространения витых удил была Богемия (Balkwill 1973: 443–444) (рис. 4: 9–10). Хронологический приоритет Западной Европы в изготовлении витых удил позволил Е. Болквиллу считать, что именно в районе Верхнего Рейна и Швейцарии зародилась эта форма строгих удил и отсюда активно внедрялась вместе с иными видами удил в другие культурные зоны Западной Европы (Там же: 439–440). По-видимому, витые удила входили в состав урартской узды (Кармир-блур — рис. 4: 11). В Иране витые удила происходят из Приурмийского района, входившего в состав Урартского царства до 714 г. до н. э.: Хасанлу IVB (рис. 4: 1)¹⁰, могильник Солдуз (Ghirshman 1939: pl. C: 17).

Плетеные удила обеих конструкций преобладали в Италии (VIII в. до н. э. — Nase 1969: Taf. 20: 225–240) и, судя по некоторым другим находкам (Микены, XIII в. до н. э. — Иванчик 2001: рис. 63: 6; Афины, Агора, погребение XXVII, железные удила, рубеж X/IX вв. до н. э. — Blegen 1952: fig. 3: 8–9; Саламин, Кипр, VIII в.), приоритет в их производстве был за Средиземноморским регионом (рис. 3: 3, 7, 10; 4: 17).

В ареале урартской культуры плетеные и витые удила использовались в VIII — первой половине VII в. до н. э. в равной мере, что наиболее показательно по конскому убору, которым пользовались обитатели урартского владения Хасанлу IVB в момент штурма и гибели города в 714 г. (рис. 4: 1–3). Здесь обнаружены плетеные удила только второй конструкции, если не учитывать уникальные плетеные удила с псалиями, которые были прочно «привязаны» (прикреплены) концами прута к рабочей части удил, что делает их своеобразной моделью удил с напускными псалиями (Schauensee, Dyson 1983: fig. 14)¹¹. Разъемные удила с плетеными грызлами встречаются в Восточном Закавказье (Шамхор, Мингечаур, Узун-тепе, Малый курган, Дивалона, Калакент 47 — Погребова 2011: 182–189, табл. LI: 2, 6–7, 11, 13; XLIX: 5) (рис. 4: 5–8), в Северном Иране или в Луристане (случайная находка: рис. 4: 4), на территории Турции (рис. 4: 12–15). Если учесть, что плетеные удила с напускными псалиями найдены в Ассирии (Ашшур) и в Луристане (рис. 3: 5, 9), с жесткокрепленными псалиями — в урартских памятниках Турции, в том числе биметаллические удила с железными звеньями и именем Сардури II (760–730, Азнавуртепе) и бронзовые плетеные удила времени Аргишти II (714–685, Алтынтепе) (рис. 3: 1, 4, 6), но отсутствуют в районах севернее Закавказья и в Средней Азии, то пути их

¹⁰ Рис. 4: 1 — рисунок О. Мускареллы, фото витых удил см. Schauensee, Dyson 1983: fig. 12.

¹¹ Эти удила уникальны и в другом. Оба псалия заканчиваются изображением двойной змеиной головки (рис. Шауэнзи — см. рис. 3: 2). Каждый псалий имеет только два отверстия, которые вплотную соприкасаются с внешним кольцом звена удил. Если, как отмечают авторы, каждое звено было отлито вместе с псалием, то почему на фотографии на внешних кольцах видны концы загнутого прута?

проникновения с запада на территорию Древнего Востока через Малую Азию становятся достаточно очевидными.

В связи с вопросом о путях проникновения на территорию Древнего Востока способа плетения удил следует обратить внимание на плетеные удила из Калакента (Парадисфестунг, погребение 47), точнее, на комплектные к ним псалии. Они имеют три овальных отверстия, расположенные по всей длине псалия. Уникальными для Закавказья являются окончания этих псалиев в виде круглых лопастей. Аналогий им нет ни в Закавказье, ни в более южных районах. Предложенное сопоставление их с псалиями (в комплекте с двукольчатыми удилами) из кургана Уашхиту (Адыгея; Иванчик 2001: 178, рис. 16: 1, 3, 8, 10, 15, 17; 85: 12) не вполне корректно. Во-первых, различны формы лопастей: круглая (овальная?) в Калакенте и весловидная с заостренным окончанием в Уашхиту. Во-вторых, типологически различны стержни псалиев с различными оформленными отверстиями: псалии из Уашхиту имеют круглые сближенные между собой отверстия в муфтах, тогда как у калакентских псалиев равномерно расположенные по стержню овальные отверстия находятся в центре угловатых расширений¹². Именно эта деталь оформления отверстий псалия, обычно с более острыми углами, использовалась в Закавказье: в Малом кургане, на псалии из местности Дивалона также вокруг овальных сближенных отверстий, в Мингечауре — вокруг круглых отверстий (рис. 5: 5–6, 8). В Хасанлу IVB угловатые расширения стержня вокруг круглых, но уже сближенных между собой отверстий, образуют зубчатую площадку (рис. 5: 2). Псалии с муфтами к югу от Центрального Кавказа не известны.

Другими словами, калакентские псалии не могут свидетельствовать о близости способов производства таких моделей псалиев по обе стороны Кавказского хребта. Кроме того, формы удил, с которыми использовались рассмотренные псалии, не пересекали указанную границу: плетеные удила с разъемными псалиями неизвестны севернее Главного Кавказского хребта¹³, двукольчатые удила — к югу от него.

Круглая лопасть псалия известна в единичных экземплярах в Центральной Европе на трехмуфтовых псалиях из Яньево и на Северном Кавказе на трехпетельчатых псалиях из Терезе (Махортых 2003: рис. 42: 2; 50: 12) и района Майкопа (случайная находка; Иессен 1953: 70, рис. 13; Вальчак 2009: рис. 75: 2). Именно такие северокавказские трехпетельчатые, как и трехмуфтовые, псалии различных модификаций имеют очевидные параллели на западе вплоть до Центральной Европы (Махортых 2003: рис. 30; 32; 36; 41–43; 50) и на востоке вплоть до Калмыкии (с. Кише близ Элисты; Смирнов 1961б: рис. 43: 3)¹⁴. Все это может свидетельствовать о заимствовании, взаимовлиянии и т. п. в изготовлении конской узды в этой обширной зоне контактов, но не к югу от нее. Поскольку трехпетельчатые и трехмуфтовые псалии неизвестны южнее Кавказского хребта, то в таком случае (как и в случае с двукольчатыми и плетеными

¹² Они отличаются от сиалковских псалиев, которые имеют плоские круглые утолщения вокруг отверстий (ср. однако: Иванчик 2001: 178).

¹³ Уникальность плетеных удил с напускными псалиями из Верхней Кобани уже была отмечена А. А. Иесенном.

¹⁴ То же самое относится и к псалиям камышевахского типа (Махортых 2003: рис. 44).

удилами) нет оснований утверждать, что круглая форма лопасти калакентских трехдырчатых псалиев могла быть заимствована через территорию Северного Кавказа.

Не противоречит этому заключению факт появления на Древнем Востоке однокольчатых удил с разъемными псалиями. Если исключить вероятность локального и независимого изобретения этой самой простой формы удил, то какие пути проникновения этой модификации на территорию Ирана и сопредельных регионов вероятны? Обычно предполагаются пути через Кавказ. Но если уже в IX в. до н. э. на юге Европы и на Северном Кавказе использовались одновременно одно- и двухкольчатые удила, а также стремечковидные (Эрлих 1991: 36–37; Махортых 2005: 92–95), то чем объяснить отсутствие двух последних разновидностей удил к югу от Кавказского хребта в VIII в. до н. э., а в Иране и позднее? Их нет и в составе урартского конского снаряжения. находка стремечковидных удил в Малой Азии (Норшунтепе) связана уже непосредственно с началом походов евразийских номадов в конце VIII в. до н. э. Очевидно, что все вышеизложенное свидетельствует о том, что территории к югу от Кавказа не только в IX в. до н. э., но еще и в VIII в. до н. э. находились вне зоны контактов с северными регионами, во всяком случае, в области формирования конского снаряжения.

В связи с хронологией удил второй конструкции из Сиалка В и Хасанлу IVB важное значение имеют описанные выше бронзовые псалии. Морфологическое различие псалиев обоих памятников очевидно. В Хасанлу IVB преобладают псалии, у которых один конец имеет круглое, другой — прямоугольное сечение, центральная часть стержня расширена и имеет зубчатую форму, образованную соединением трех расширений вокруг круглых отверстий. Концы псалия по длине равны площадке с отверстиями (рис. 5: 2). Именно выделенная таким образом центральная часть псалия отличает псалии из Хасанлу от сиалковских. У последних каждое круглое (не угловатое) утолщение вокруг отверстия равномерно расположено по стержню псалия, площадки нет. Концы сиалковских псалиев короткие (рис. 5: 3). Учитывая общую тенденцию развития стержневидных разъемных псалиев, которая заключается в постепенном смещении отверстий к центру стержня, можно считать псалии из Хасанлу, у части которых отверстия уже сближены между собой, типологически более поздним вариантом. Хотя псалии из обоих памятников относятся примерно к одному времени, но это демонстрирует лишь встречаемость раннего и позднего типов. Отмеченные различия не позволяют согласиться с предлагаемым исследователями выделением «сиалковского» типа псалиев, который был определен как в Хасанлу IVB, так и в северокавказских памятниках, и что, в частности, служит основанием для повышения верхней даты могильника Сиалк В (Эрлих 1994: 66–68; Медведская 2005: 107–109). В инвентаре Сиалка В нет элементов культуры евразийских номадов. В этот глубинный район Ирана в VIII в. до н. э. носители этой культуры еще не проникли. Следовательно, не было и обратного.

Роговые псалии, найденные в Хасанлу IVB вместе с железными удилами, дают дополнительное основание датировать конскую узду из этого памятника не ранее VIII в. до н. э. Псалии имеют три круглых отверстия в одной плоскости, равномерно расположенные по всей длине псалия (рис. 6: 5). Роговые псалии

из Хасанлу наиболее близки урартским псалям с круглыми отверстиями из Кармир-блур (кость, VII в. до н. э.) и Чавуштепе (рог, VII в. до н. э.), и со слегка овальными отверстиями из Эребуни (кость, VIII в. до н. э.) и Ркинис-Кало (рог, VIII–VII вв. до н. э.) (рис. 6: 1–4). У последнего, как и чавуштепинского псаля, отверстия уже сближены между собой. По-видимому, особенностью псаляев VIII в. до н. э. является расположение отверстий практически по всей длине прямой части рога, тогда как в VII в. до н. э. отверстия, как правило, сближены между собой, но во второй половине VIII в. до н. э. оба варианта расположения отверстий, вероятно, уже сосуществовали.

Исключение IX в. из датировки рассматриваемых псаляев может быть основано на двух других признаках роговых и костяных псаляев, таких как форма отверстий и, особенно, их расположение относительно продольной оси псаля. Первоначально крайние отверстия располагались перпендикулярно относительно центрального отверстия псаля (рис. 7). В Анатолии древнейшими считаются роговые псаляии из Бейчесултана III и Аладжа Гуюка (Foltiny 1967: 16–20; fig. 5: 2–3) (рис. 7: 1), которые датируются 1450–1300 гг. до н. э. Эти псаляии имеют центральное большое отверстие овальной формы (в Аладжа Гуюке один псаляий имеет центральное отверстие прямоугольной формы) и два крайних круглых отверстия в другой плоскости псаля. В Греции и Египте роговые псаляии как будто не использовались (Там же: 30). По мнению С. Фолтини, псаляии с отверстиями в одной плоскости до 800 гг. до н. э. неизвестны (Там же).

В этой связи представляют интерес роговые псаляии с отверстиями в разных плоскостях из погребения 77 могильника Мингечаур, которое первоначально датировалось XI–IX вв. до н. э. (рис. 7: 2). У одной пары псаляев центральное отверстие круглое, у другой, судя по описанию, овальное. Псаляии украшены резным орнаментом в виде поясков, заполненных, в основном, кривой сеткой. Авторы раскопок определили эти изделия как элементы флейты. Исправил это недоразумение А. П. Мелентьев, который нашел этим псалям близкие аналогии и датировал их концом X–IX в. до н. э. (Мелентьев 1968: 226–228, прим. 2). Эта дата совпадает с мнением С. Фолтини о времени смены принципа расположения отверстий на псаляях после 800 г. до н. э.

Приведенные А. П. Мелентьевым аналогии мингечаурским псалям с двуплоскостным расположением отверстий указывают на Среднюю Европу эпохи бронзы (Венгрия: Фюзешабонь, Тосцег) как исходный очаг распространения подобных компонентов уздечки (Там же: 227). Н. Бороффка определяет границы исходного очага шире — весь Карпатский бассейн, откуда такие псаляии (1-й и 2-й типы, по А. Можолитч) распространялись на север, запад, восток и на юго-восток до Анатолии (Boroffka 1998: 106 ff., 135, Abb. 12). Конструктивную близость с мингечаурскими псаляями обнаруживает псаляий из Тосцега: сдвоенные центральные отверстия (хотя и разной формы) и, особенно, пояски резного орнамента в виде кривой сетки (рис. 7: 5). С. Фолтини привел аналогии псалям из Бейчесултана III и Аладжа Гуюка III в тех же венгерских памятниках, где встречаются псаляии и с другими элементами орнамента — концентрическими кружками, подобными орнаменту на малоазийских псаляях (Foltiny 1967: 22, fig. 5–7) (рис. 7: 1, 4). Следует отметить, что на территории, промежуточной между Средней Европой и Кавказом, псаляии, украшенные подобными

Рис. 7. Роговые псалии с резным орнаментом. 1 — Бейчесулан III (Турция); 2 — Мингечаур, погребение 77 (Азербайджан); 3 — Сабатиновка (Украина, Южный Буг); 4 — Паказдвар; 5 — Тосцер (Венгрия).

Fig. 7. Cheekpieces of carved antler. 1 — Beyçesultan III (Turkey); 2 — Mingechaur, tomb 77 (Azerbaijan); 3 — Sabatinovka (Ukraine, South Bug); 4 — Pakozdvar; 5 — Toszeg (Hungary).

полосками резного орнамента, не известны. Самой восточной находкой в этом регионе является орнаментированный косой сеткой псалий из Сабатиновки (Южный Буг — рис. 7: 3). Тогда как на промежуточной малоазийской территории украшенные подобным образом роговые псалии применялись уже в последней трети II тыс. до н. э. И в данном случае не имеет значения, была ли Анатолия исходным или промежуточным источником, откуда этот тип роговых псалиев и стиль их украшения попал в Закавказье. Но случилось это задолго до времени сложения на этой территории узды урартского периода.

Между тем мингечаурское погребение 77 недавно было датировано «не ранее VIII до н. э.» (Погребова 2011: 193–194). В таком случае следовало бы полагать, что еще в VIII в. до н. э. использовались псалии с отверстиями в разных плоскостях, но, по-видимому, это не так.

В Карпато-Подунавье и Северо-Западном Причерноморье изменение расположения отверстий на роговых и костяных псалиях отмечается уже в IX в. до н. э., когда разнообразные по форме отверстия (овальные, восьмерковидные и подпрямоугольные) стали располагать в одной плоскости псалия — Сахарнянский могильник I, Сахарна Маре (культура Козия-Сахарна, фаза Сахарна IIb — Кашуба 2000: рис. XXXIX: 5, 7; Кашуба, Левицкий 2012: рис. 1) (рис. 6: 8, 10). В Правобережном Поднепровье (Жаботин) еще в начале VIII в. до н. э. существовали псалии с некруглыми отверстиями (рис. 6: 9). На рубеже IX/VIII-первой половине VIII в. до н. э. появляются псалии с круглыми отверстиями. В Среднем Поднестровье самым ранним таким изделием считается роговой псалий с круглыми отверстиями из позднечернолесского поселения Днестровка-Лука (рис. 6: 7). М. Т. Кашуба синхронизировала псалии из Днестровка-Луки и Сахарнянского могильника I, датируя их концом IX — рубежом IX/VIII вв. до н. э. (Кашуба 2000: 349).

На Северном Кавказе в памятниках первой половины VIII в. до н. э. (Эрлих 2002: 45–47) также обнаружены псалии с отверстиями в одной плоскости. В Николаевском могильнике (погребение 31) костяной псалий имеет узкие овальные отверстия (Анфимов 1961: 112, табл. III: 6), в могильнике Фарс/Клады встречены роговые псалии с круглыми (погребение 9) и прямоугольными (погребение 31) отверстиями (рис. 6: 11–12).

В Иране в Сиалке В (могила 15) центральное отверстие фрагментированного псалия овальное, крайние отверстия круглые, в Хасанлу IVB и в урартских памятниках VIII–VII вв. до н. э. за редким исключением (Эребуни) — круглые (рис. 6: 1–6).

Таким образом, мингечаурские роговые псалии из погребения 77 не могут датироваться VIII в. до н. э. и быть одновременными псалиям урартского времени. В свою очередь, роговые и костяные псалии Хасанлу IVB и Сиалка В не могут датироваться ранее VIII в. до н. э.

Непосредственно с конской уздой связаны **пронизи для перекрестных ремней оголовья**. В Сиалке В они обнаружены в могиле 15 и представляют собой уплощенно-конический щиток, под которым припаяны четыре столбика-скобы, основания которых образуют квадрат, невысокие скобы находятся на некотором расстоянии от края щитка (рис. 8: 17, 19–20). В Иране известны аналогичные пронизи (рис. 8: 18, 22), одна из них найдена в могильнике Гиян

(погребение 3; Ghirshman 1936: fig. G: 3)¹⁵, в Хасанлу IVB такая обойма найдена вне связи с уздечкой (не опубликована¹⁶). В Закавказье (Карабах) в кургане у с. Сарычобан обнаружено значительное число обоек, из которых опубликовано 10 экземпляров (Джафаров 1993: рис. 5: 1, 3, 7, 11; 6: 4, 6–7, 10, 14; 7: 3) (рис. 9: 1–5).

Обоймы для перекрестных ремней оголовья, по мнению К. Ф. Смирнова, появились уже в эпоху бронзы. Ими он считал две круглые костяные бляшки с тремя сквозными прорезями из Иловатки (рис. 9: 7), которые могли быть вероятными прототипами бронзовых цилиндрических блях-обоек скифского времени (Смирнов 1959: 227, рис. 9: 4). Последние представляют собой цельнолитую вещь со сделанными при отливке отверстиями (условно ее можно назвать поздней группой). Иногда они украшены элементами скифского звериного стиля, сам цилиндр мог служить подставкой для фигурок или только головок животных или птиц.

Очевидно, что между обоймами скифского времени и костяными обоймами эпохи бронзы существовали промежуточные формы. Одними из них можно считать бронзовые обоймы сиалковского типа (группа I — рис. 8). У них невысокие скобы были расположены сравнительно далеко от края щитка, что, видимо, представляло некоторое неудобство при продевании ремней. С учетом этого могли появиться обоймы, у которых более высокие скобы-столбики сдвигаются к краю щитка (группа II — рис. 10а–б), и в профиль они иногда напоминают цилиндрические обоймы скифского времени. Будучи морфологически различными, структурно они связаны. Однако ареалы бытования трех групп пронизей не свидетельствует об их последовательном использовании в каждом регионе; заимствование происходило первоначально из одного региона, но, вероятно, в разное время.

Во-первых, за пределами Ирана пронизы группы I со сдвинутыми от края щитка скобами известны только в памятниках Средней и Южной Европы (рис. 8: 1–15). Именно в Европе прослеживается использование первых двух групп. Вместе в одних комплексах, в том числе в «кладах», они будто бы не встречены. Хотя вероятно смена обеих групп произошла сравнительно быстро. Например, в разных погребениях могильника Эсте II найдены оба варианта (рис. 8: 15–16), определить время их смены в пределах предскифского времени трудно¹⁷. Круглые щитки европейских пронизей группы I уплощенно-конические или округлой формы. Щитки гладкие или имеют четыре прорези, которые образуют крестообразные фигуры с циркульным орнаментом на концах креста (рис. 8: 1–5). Восемь треугольных прорезей на щитке также образуют нечто крестовидное с таким же циркульным орнаментом (рис. 8: 6). В основе солярного знака также лежит крест (рис. 8: 9). Невысокие скобы обычно крепились

¹⁵ В основной публикации материалов Тепе-Гиян (Contentau, Ghirshman 1935: pl. 8: 12) эта пронизь плохо изображена.

¹⁶ Cuylar Young. 1967: 25, note 78: 5; письмо Шауэнзи от 10 июня 2002 г., в котором она подтвердила ее принадлежность к слою IVB.

¹⁷ К. Метцнер-Небельзик выделяет типы пронизей по форме и орнаментике щитка, не учитывая расположение скоб под ним. Все обоймы с гладким, не орнаментированным щитком отнесены ею к одному типу «А», варианты которого бытовали в пределах IX–VIII вв. до н. э. (Metzner-Nebelsick 2002: 310–311, Abb. 139–140; 142a, b).

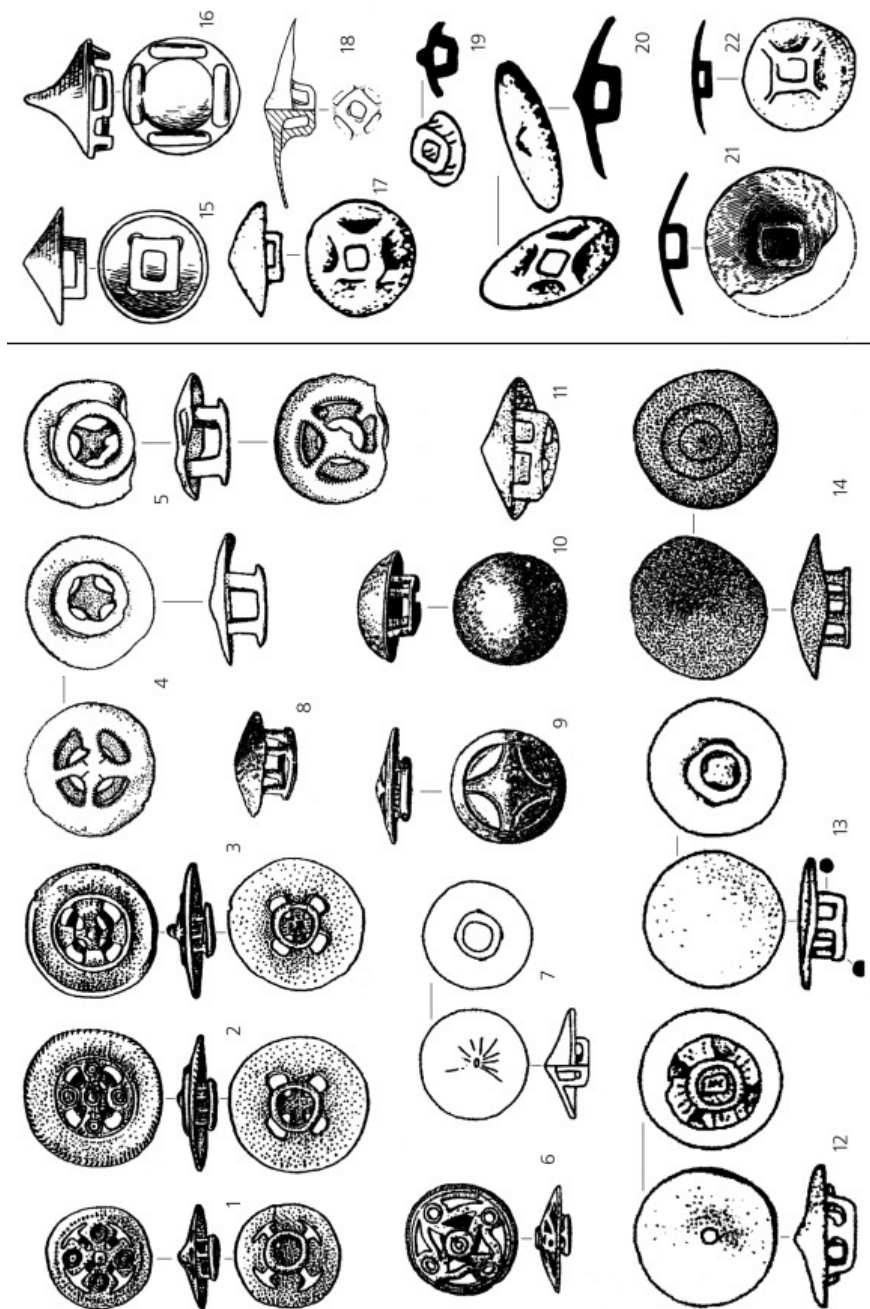

Рис. 8. Бронзовые пронызы группы I. 1–3 — Шаркад (Венгрия); 4–5 — Сантовка (Словакия); 6 — Фюгёд, клад; 7 — Санда, клад (Венгрия); 8–10 — Батина /Кишкосцег (Хорватия); 11 — Гура Падиной (Румыния); 12–13 — Фюзешабонь-Эрédомб (Венгрия); 14 — Сеника, погребение 1/42 (Словакия); 15–16 — Эсте, погребения 14 и 278 (Италия); 17, 19–20 — Сиалк В, погребение 15 (Иран); 18 — Иран, место находки неизвестно; 21 — Кисловодск, место находки неизвестно (Северный Кавказ); 22 — Гиан, погребение 3 (Иран).

Fig. 8. Bronze fittings for cross-straps, group I. 1–3 — Sarcad (Hungary); 4–5 — Santovka (Slovakia); 6 — Fügöd hoard; 7 — Szanda hoard (Hungary); 8–10 — Batina/Kisköszeg (Khorvattia); 11 — Gura Padinii (Rumania); 12–13 — Füzeshabony-Öregdomb (Hungary); 14 — Senica (Slovakia); 15–16 — Este, tombs 14 and 278 (Italia); 17, 19–20 — Sialk B, tomb 15 (Iran); 18 — Iran, loco incerto (North Caucasus); 22 — Giyan, tomb 3 (Iran).

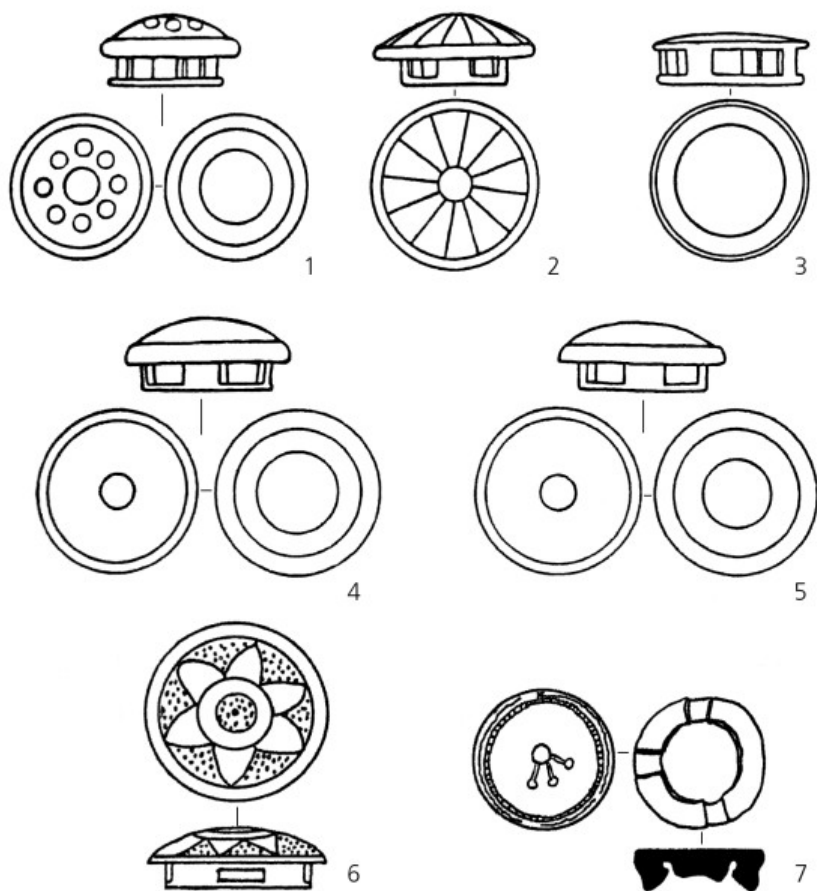

Рис. 9. Бронзовые (1–5) и костяные (6–7) пронизи. 1–5 — Сарычобан, курган; 6 — Паша-Тапа, курган 4 (Азербайджан); 7 — Иловатка (Россия, Нижняя Волга).

Fig. 9. Bronze (1–5) and bone (6–7) fittings for cross-straps. 1–5 — Sarychoban tumulus; 6 — Pasha-Tapa, tumulus 4 (Azerbaijan); 7 — Ilovatka (Russia, Lower Volga).

на округлой рамке-основании, реже — на квадратной рамке. Но уже в группе II пронизи, помимо круглых гладких щитков (подгруппа II А), часто имеют щитки фигурных очертаний: крестовидные и шлемовидные (подгруппа II В) (рис. 10а–б).

Во-вторых, в Причерноморье и на Северном Кавказе пронизи группы I в составе уздечки отсутствуют¹⁸; пронизи подгруппы II А обнаружены в единичных экземплярах (Бирюково, курган 8, погребение 2; Сержень-Юрт, погребение 39;

¹⁸ Известна случайная находка крупной бляхи со скобами на квадратной основе в районе Кисловодска (Козенкова 1995: табл. XXVIII: 11) (рис. 8: 21).

Пишиш I, курган 51; Клин-Яр III) (рис. 10а: 10–12, 15–19)¹⁹. К северу от Кавказа чаще встречаются пронизы с фигурными щитками (подгруппа II В), среди которых использовались различные варианты крестовидных и шлемовидных пронизей (рис. 10б: 28–29). Три варианта северокавказских крестовидных пронизей, определенные В. Р. Эрлихом, имеют аналогии в Среднем Поднестровье (Голиграды, а также Мощанецкий клад, в котором найдены и шлемовидные пронизы — рис. 10б: 30–31) и в Средней Европе (тип Леград — Эрлих 2007: 136). Можно ли в таком случае предполагать, что контакты с Европой в области формирования узды начались тогда, когда там стали широко использоваться пронизы группы II В, и, следовательно, пронизы группы I использовались чуть раньше? Или в Иране эти пронизы были только импортом или имитацией (Metzner-Nebelsick 2002: 311)? Но ведь в Иране они обнаружены в обширном ареале — помимо Сиалка В (Кашан), в Луристане и Приурмийском районе.

В-третьих, в Средней Азии первые две группы обойм отсутствуют. В могильниках Уйгарак и Тагискен известны только цельнолитые цилиндрические обоймы скифского времени. Здесь, очевидно, процесс сложения конского убора шел независимо от западных регионов, когда там использовались две первые группы обойм. В обоих памятниках присутствуют три типа пронизей, выделенные по материалам могильника Уйгарак (Вишневская 1973: 103–104). В Тагискене нет только обойм со спиралевидными и зооморфными щитками, известных в Уйгараке (Итина, Яблонский 1997: 67, 70). Оба могильника датируются не ранее конца VIII в. до н. э., в пределах VII — первой половины VI в. до н. э. (Итина, Яблонский 1997: 71; Вальчак 2004: 44).

Исключительную позицию занимают уникальные инкрустированные бронзовые пронизы из Сарычобана. Г. Ф. Джафаров датирует их XII–XI вв. до н. э., М. Н. Погребова — XII–IX вв. до н. э. Этому, в целом, не противоречит дата сарычобанских удил с напускными псалями типа Марлик, хотя хронологическая позиция удил с напускными пластинчатыми псалями с зооморфными окончаниями остается неясной. В этом же районе обнаружена аналогичная сарычобанским костяная пронизь из кургана Паша-Тапа (Степные курганы Э. Реслера), украшенная резным орнаментом и датируемая XIII в. до н. э. (Погребова 2011: 88, 91–94; табл. XXVII: 5)²⁰ (рис. 9: 6). Пронизь из могильника Мугерган (Дагестан), аналогичная по форме одному из сарычобанских экземпляров (рис. 9: 3), датируется XII–X вв. до н. э. (Котович, Давудов 1980: рис. 1: 14; 3: 59). Эти пронизы могли бы относиться к группе II, но, если Сарычобан одновременный комплекс, они не могут датироваться после X–IX в. до н. э. Позднее подобные пронизы здесь неизвестны.

Важно подчеркнуть, что обоймы группы I не использовались на Кавказе, в евразийских степях и в Средней Азии, тогда как к югу от Кавказа в составе

¹⁹ Но если клин-ярская пронизь попала на территорию Предкавказья после возвращения ее владельца из переднеазиатских походов (Berezin, Dudarev 1999: 216), то не исключается использование в Малой Азии и пронизей группы II.

²⁰ На таблице XXVII ее работы вместо кости ошибочно указан камень. Сравнение этих пронизей стандартной формы с уникальной техникой резного орнамента и инкрустированием алебастровыми вставками с примитивной костяной пронизью срубного времени из Иловатки в Нижнем Поволжье, к тому же только с тремя отверстиями (Погребова 2011: 93), вряд ли имеет смысл (рис. 9: 7).

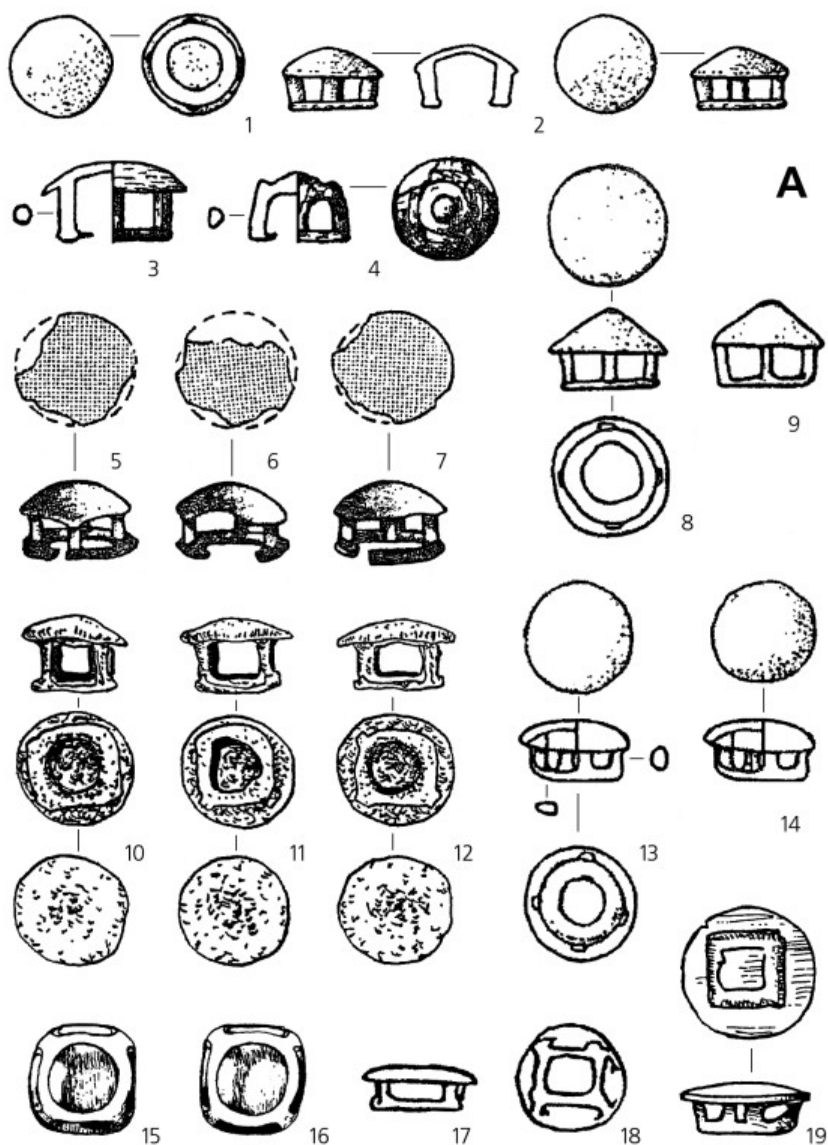

Рис. 10а. Бронзовые пронызы группы II А. 1-2 — Штильфридский «клад»; 3-4 — Штильфрид, погребение (Австрия); 5-7 — Печ/Якабхэдь, курган 1 (Венгрия); 8-9 — Фрэг, курган К (Австрия); 10-12 — Бирюково, курган 8, погребение 2 (Россия, р. Дон); 13-14 — Фюзэшабонь/Эрэгдомб, погребение 3 (Венгрия); 15-16 — Сержень-Юрт, погребение 39; 17-18 — Пшиш-1, курган 51; 19 — Клинь-Яр III (Северный Кавказ).

Fig. 10a. Bronze fittings for cross-straps, group II A. 1-2 — Stillfried "hoard"; 3-4 — Stillfried tomb (Austria); 5-7 — Pecs/Jakabhedgy, tumulus 1 (Hungary); 8-9 — Frög, tumulus K (Austria); 10-12 — Birjukovo (Russia, r. Don); 13-14 — Füzesabony-Öregdomb (Hungary); 15-16 — Serzhen Yurt, tomb 39; 17-18 — Pshish-1, tumulus 51; 19 — Klin-Jar III (North Caucasus).

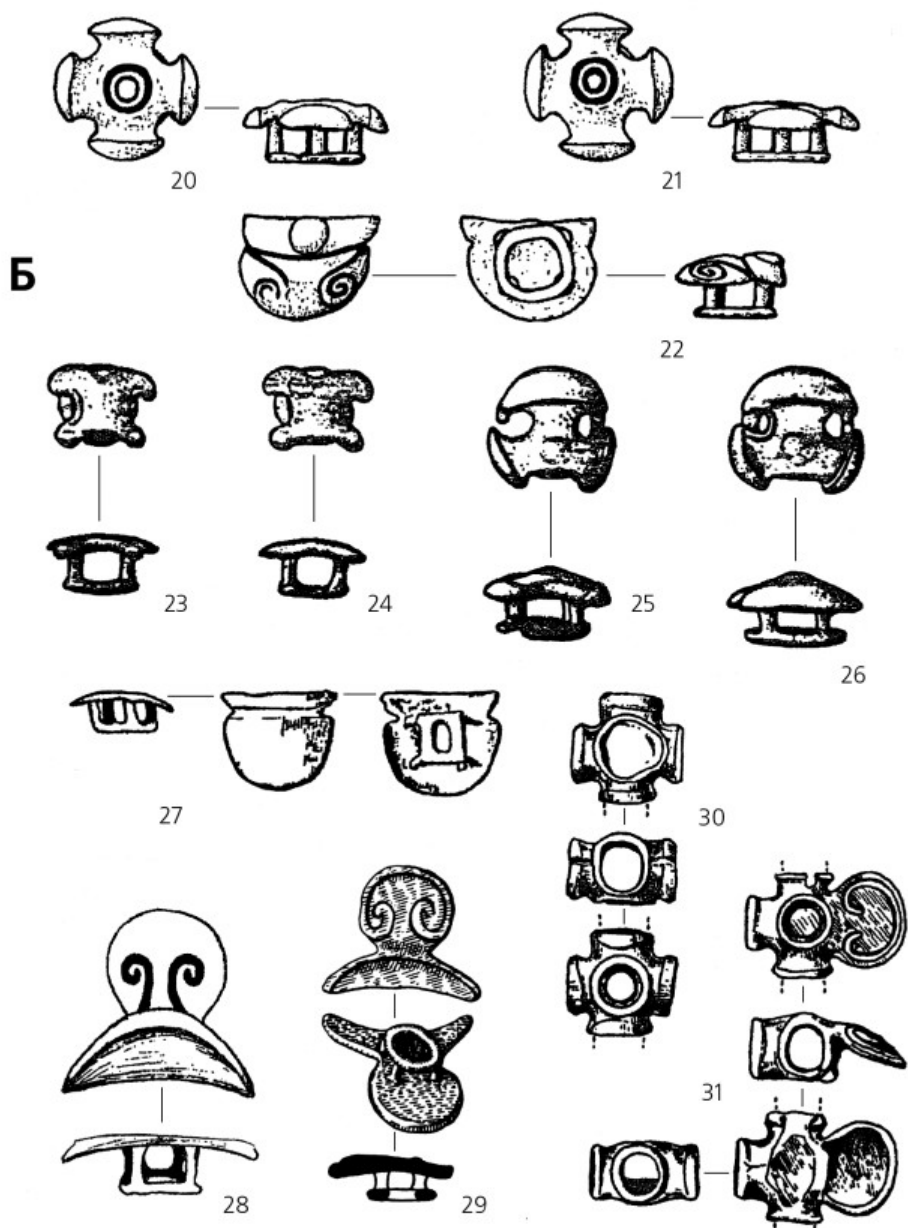

Рис. 106. Бронзовые пронызы группы II В. 20–22 — Штильфридский «клад»; 23–26 — Гильденберг, курган 2 (Австрия); 27 — Ветиш, клад (Румыния); 28 — Пшиш-1; 29 — Клинь-Яр III (Северный Кавказ); 30–31 — Мосшанец, клад (Украина).

Fig. 106. Bronze fittings for cross-straps, group II В. 20–22 — Stillfried "hoard"; 23–26 — Gildenberg, tumulus 2 (Austria); 27 — Vetiş hoard (Rumania); 28 — Pshish-1; 29 — Klin-Jar III (North Caucasus); 30–31 — Moschanez hoard (Ukraine).

узды отсутствует группа II. Такое распределение трех групп может свидетельствовать о следующем. На территорию Ирана этот элемент узды проник из Европы, но не через Кавказ, а через Малую Азию по древним путям, прослеженным выше для других элементов узды. И дело не в малочисленности обнаруженных к югу от Кавказа этих элементов узды, а в том, что здесь отсутствуют столь многочисленные и многообразные формы пронизей группы II, распространенные к северу от Кавказа. Только в скифский период через Кавказ на юг начинают проникать вместе с их носителями пронизи третьей группы (цельнолитые с головками бараногрифона, клювовидные и т. п.) вместе с некоторыми разновидностями удила и псалиев, прежде неизвестных к югу от Кавказа (Норшунтепе, Кармир-блур, Чавуштепе, Капланту, Хасанлу III — Иванчик 2001: рис. 4: 5, 8а–б; 12: 3–15, 17, 18; 27: 1–5). Поскольку среднеазиатские пронизи типа Уйгарак-Тагискен в Иране неизвестны, это может доказывать проникновение отмеченных элементов узды именно с их носителями, киммерийцами и скифами, через Кавказ начиная с конца VIII в. до н. э. Тогда же проникают в Переднюю Азию и другие элементы военной экипировки номадов, в том числе «скифский» чешуйчатый панцирь, принципиально отличный по способу крепления пластин от местных ламеллярных панцирей (Рябкова 2010: 99).

Рассмотренные элементы конской узды позволяют сделать следующие **выводы**. На Древнем Востоке и в евразийских степях сложились и развивались до определенного времени различные конструкции конской узды. Формирование конского убора на территории Древнего Ирана и Закавказья в доскифский период происходило независимо от аналогичного процесса к северу от Кавказского хребта, в евразийских степях и в Средней Азии. Необходимо отказаться от предлагавшегося ранее объяснения появления на Древнем Востоке в начале I тыс. до н. э. евразийской конструкции узды в результате контактов через Кавказский регион. Об этом может свидетельствовать следующее.

К северу от Кавказа уже в IX в. до н. э. и позднее использовались одно- и двукольчатые, стремечковидные удила различных модификаций. Вместе с ними использовались разъемные трехмуфтные, трехпетельчатые псалии. Из всего этого набора на Древнем Востоке, в целом, и в Иране, в частности, в допоходный период известны только однокольчатые удила и разъемные трехдырчатые псалии, модификации которых неизвестны севернее Кавказа. Появление здесь однокольчатых удила связано с Центральной и Южной Европой. Доказательством европейского влияния на сложение конского убора в Малой Азии, Восточном Средиземноморье, в Закавказье и Иране служат, в частности, однокольчатые удила обеих конструкций с плетеными и витыми грызлами — эти способы изготовления удила не использовались к северу от Кавказа. Там существовала лишь их имитация, которую обычно называют удилами с рифлением, ложновитыми удилами и т. п. Доказательством длительности европейского влияния на сложение древневосточной узды могут служить роговые и костяные псалии раннего типа с характерным резным орнаментом, использовавшиеся в Европе, Малой Азии и Закавказье задолго до сложения узды урартского периода.

Другим доказательством того, что регионы к югу от Кавказа не только в IX в. до н. э., но еще и в VIII в. до н. э. находились вне зоны контактов с северными регионами, во всяком случае, в области формирования конского снаряжения,

служат пронызы для перекрестных ремней оголовья. В Иране известны пронызы группы I, наименее удобной в употреблении формы, которая использовалась в Европе, но отсутствует в составе узды в степной зоне и в Средней Азии. Пронызы группы II в Иране не обнаружены, но они широко распространены в обширной контактной зоне от Центральной Европы до Северного Кавказа. Цельнолитые пронызы скифского периода проникают одновременно с некоторыми разновидностями удила, псалиев, элементами военной экипировки в регионы к югу от Кавказа вместе с их носителями — киммерийцами и скифами — не ранее рубежа VIII–VII вв. до н. э.

Рассмотренные элементы древневосточного конского убора, его происхождение, развитие и хронология позволяют датировать конские уборы из Сиалка В и Хасанлу IVB только в пределах VIII в. до н. э., причем комплекс из Хасанлу IVB, по-видимому, чуть позднее и, скорее, относится ко второй половине VIII в. до н. э.

Литература

- Анфимов Н. В. 1961. Протомеотский могильник с Николаевского // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. II. Майкоп: Адыгейское книжное изд-во, 103–126.
- Асланов Г. Г. 1986. Шамхорский могильник. Баку: ЭЛМ.
- Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И. 1959. Древний Мингечаур. Баку: Изд-во АН АзССР.
- Бернштам А. Н. 1952. Памирская I (Тамды) // МИА 26, 288–301.
- Вальчак С. Б. 2004. Конская упряжь Приаралья и юга Восточной Европы: сходство и отличия // Яблонский Л. Т. (ред.). Археологические памятники раннего железного века юга России. М.: ИА РАН, 32–56.
- Вальчак С. Б. 2009. Конское снаряжение в первой трети I тыс. до н. э. на юге Восточной Европы. М.: Таус.
- Вишневская О. А. 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. М.: Наука.
- Грязнов М. П. 1980. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука.
- Дараган М. Н. 2011. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. Киев: КНТ.
- Дараган М. Н., Кашуба М. Т. 2011. Глава 3. Полевые исследования Жаботинского поселения (1950–1951, 1953, 1957–1958, 1972 гг.) // Дараган М. Н. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. Киев: КНТ, 74–384.
- Джафаров Г. Ф. 1993. Курган эпохи поздней бронзы вблизи Сарычобана // СА 4, 191–207.
- Древности 1992. Древности страны Луров: Каталог выставки / Сост. и автор вступ. статьи Л. Ванден-Берге. СПб.: ГЭ.
- Есаян С. А., Погребова М. Н. 1985. Скифские памятники Закавказья. М.: Наука.
- Заднепровский Ю. А. 1962. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.-Л.: Изд-во АН СССР (МИА 118).
- Иванчик А. И. 2001. Киммерийцы и скифы. М.: Палеограф.
- Иессен А. А. 1953. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА XVIII, 49–110.
- Итина М. А., Яблонский Л. Т. 1997. Саки Нижней Сырдарьи (По материалам могильника Южный Тагискен). М.: РОССПЭН.

- Кашуба М. Т. 2000. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // SP 3, 241–488.
- Кашуба М. Т., Левицкий О. Г. 2012. Гальштаттский (карпато-дунайский) фактор в культурогенетических процессах финала эпохи бронзы и раннего железного века в Северном Причерноморье // Алёкшин В. А. и др. (ред.). Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 304–310.
- Кобаидзе Л. Н. 1978. Археологические памятники Иорского ущелья II. Могильник Ркинис-Кало. Тбилиси: Мецниереба.
- Козенкова В. И. 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология): западный вариант. М.: ИА РАН (САИ В 2–5).
- Козенкова В. И. 2002. У истоков горского менталитета: Могильник эпохи поздней бронзы — раннего железа у аула Сержень-Юрт. М.: Памятники исторической мысли.
- Котович В. Г., Давудов О. М. 1980. О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы — раннего железа на Северо-Восточном Кавказе // СА 4, 38–54.
- Лесков А. М., Эрлих В. Р. 1999. Могильник Фарс/Клады. М.: ГМИНВ.
- Мартirosян А. А. 1964. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван: Изд-во АН АрмССР.
- Махмудов Ф. 2008. Культура Юго-Восточного Азербайджана в эпоху бронзы и раннего железа. Баку: Nafra-Press.
- Махортых С. В. 2003. Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху. Киев: Шлях.
- Махортых С. В. 2005. Уздечные принадлежности юга Восточной Европы в предскифский период // Тишкин А. А. (ред.). Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 92–95.
- Медведская И. Н. 1983. Конский убор из могильника Сиалк В // IA XVIII, 59–79.
- Медведская И. Н. 2005. Сиалк В и Хасанлу IV: вопросы хронологии // Гуляев В. И. (ред.). Древности Евразии: от ранней бронзы до средневековья: Памяти В. С. Ольховского. М.: ИА РАН, 107–126.
- Медведская И. Н. 2010. Древний Иран накануне империй (IX–VI вв. до н. э.): история Мидийского царства. СПб.: Петербургское востоковедение.
- Мелентьев А. Н. 1968. Две узды из Мингечаура // СА 1, 226–229.
- Погребова М. Н. 2011. История Восточного Закавказья. М.: Восточная литература.
- Рябкова Т. В. 2010. Чешуйчатые панцири раннескифского времени // АСГЭ 38, 87–106.
- Рябкова Т. В. 2012. Колчанный набор из кургана 524 у села Жаботин // Алёкшин В. А. и др. (ред.). Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 345–350.
- Смирнов К. Ф. 1959. Курганы у села Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА 60, 206–322.
- Смирнов К. Ф. 1961а. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА 1, 46–72.
- Смирнов К. Ф. 1961б. Вооружение савроматов. М.: Изд-во АН СССР (МИА 101).
- Титенко Г. Т. 1954. Закавказские удила, найденные на Полтавщине // КСИА АН УССР 3, 77–80.
- Эрлих В. Р. 1991. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья // Абрамов А. П. и др. (ред.). Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.: Эвтектика, 31–47.
- Эрлих В. Р. 1994. У истоков раннескифского комплекса. М.: ГМИНВ.

- Эрлих В. Р.* 2002. Переход от бронзового к железному веку на Северо-Западном Кавказе (часть 2) // СА 4, 40–49.
- Эрлих В. Р.* 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.: Наука.
- Balkwill E. J.* 1973. The Earliest Horse-bits of Western Europe // PPS 39, 425–452.
- Berezin J. B., Dudarev S. L.* 1999. Neue präskythische Funde aus der Umgebung von Pjatigorsk, Nord Kaukasien // EuA 5, 179–216.
- Blegen C. W.* 1952. Two Athenian grave groups of about 900 B.C. // Hesperia XXI, 279–294.
- Boroffka N.* 1998. Bronze- und früheisenzeitliche Geweihtrensenknebel aus Rumänien und ihre Beziehungen // EuA 4, 81–135.
- Chochorowski J.* 1993. Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej. Kraków: Uniwersytet Jagielloński.
- Contenau G., Ghirshman R.* 1935. Fouilles du Tépé-Giyan près de Néhavend, 1931–1932. Paris: Paul Geuthner.
- Cuyler Young T.* 1967. The Iranian Migration into the Zagros // Iran V, 11–34.
- Dyson R., Muscarella O. W.* 1989. Constructing the Chronology and Historical Implications of Hasanlu IV // Iran XXVII, 1–27.
- Foltiny S.* 1967. The Ivory Bits of Homer and the Bone Horse Bits of Reality // Bonner Jahrbücher 167, 11–37.
- Ghirshman R.* 1936. Notes sur les peuples et l'art de l'Iran préhistorique // Revues des arts asiatiques X, 23–26.
- Ghirshman R.* 1939. Fouilles de Sialk près de Kashan. T. II. Paris: Paul Geuthner.
- Hase F.-W. von* 1969. Die Trensen der Früheisenzeit in Italien. München: C. H. Beck.
- Hüttel H.-G.* 1981. Bronzezeitliche Trensen in Mittel- und Osteuropa. München: C. H. Beck.
- Littauer M. A., Crouwel J. H.* 1979. Wheeled vehicles and ridden animals in the Ancient Near East. Leiden/Köln: E. J. Brill.
- Medvedskaya I. N.* 1986. A Study on the Chronological Parallels between the Greek Geometric Style and Sialk B Painted Pottery // IA XXI, 89–120.
- Medvedskaya I. N.* 1988. Who destroyed Hasanlu // Iran XXVI, 1–15.
- Medvedskaya I. N.* 1991. Once more the Destruction of Hasanlu IV: Problems of Dating // IA XXVI, 72–80.
- Metzner-Nebelsick C.* 2002. Der "Thrako-Kimmerische" Formenkreis aus der Sicht der Urnenfelder- und Hallstattzeit im südöstlichen Pannonien. Rahden: Marie Leidorf GmbH.
- Moorey P. R. S.* 1971a. Catalogue of the Ancient Persian Bronzes in the Ashmolean Museum. Oxford: Oxford University Press.
- Moorey P. R. S.* 1971b. Towards a Chronology for the "Lūristān Bronzes" // Iran IX, 113–129.
- Muscarella O. W.* 1977. The Archaeological Evidence for Relations between Greece and Iran in the First Millennium B.C. // JANES 9, 31–48.
- Muscarella O. W.* 1988. Bronze and Iron. Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Art. New York: Metropolitan Museum of Art.
- Müller-Karpe H.* 1959. Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit Nördlich und Südlich der Alpen. Text. Tafeln. Berlin: De Gruyter.
- Negahban E. O.* 1996. Marlik: the Complete Excavation Report. Vol. 1–2. Philadelphia: University Museum of Pennsylvania.
- Negahban E. O.* 1998. Suggestions on the origin and background of the Marlik Culture // IA XXXVIII, 43–56.

- Potratz J. A. H. 1941. Die Pferdegebisse des zweiströmlandischen Raumes // Archiv für Orientforschung 14, 1–39.
- Potratz J. A. H. 1966. Die Pferdetranssen des Alten Orient. Rome: Pontificum Institutum Biblicum.
- Schauensee M. de, Dyson R. 1983. Hasanlu Horse Trappings and Assyrian Reliefs // Harper P. O., Pittman H. (eds.). Essays on Near Eastern Art and Archaeology in Honor of C. K. Wilkinson. New York: Metropolitan Museum of Art, 59–77.
- Schauensee M. de 1989. Horse Gear from Hasanlu // Expedition 31, 37–52.
- Waele É. de 1982. Bronzes du Luristan et D'Amlash (ancienne collection Godard). Louvain-la-Neuve: Institut Supérieur d'Archéologie et d'Histoire de l'Art de l'Université Catholique de Louvain.

Источники иллюстраций / Sources of illustrations

- Рис./Fig. 1.* 1 — Ghirshman 1939: pl. XXV: 1; LXXB: S. 924; 2–4 — Иванчик 2001: рис. 74: 2, 4; 87: 4; 5 — Negahban 1996: fig. 35: 94f; 6, 8 — Джафаров 1993: рис. 6: 9; 7: 1, 1a; 9–11 — Медведская 1983: рис. 1: 6–8.
- Рис./Fig. 2.* 1–8 — Медведская 1983: рис. 2: 2–6, 9–11.
- Рис./Fig. 3.* 1 — Иванчик 2001: рис. 87: 5; 2 — Иванчик 2001: рис. 80: 5; 3 — Иванчик 2001: рис. 67: 4; 4, 6 — Иванчик 2001: рис. 100: 2, 4; 5 — Littauer, Crouwel 1979: fig. 66; 7, 8 — Hase 1969: Taf. 9: 87, 90; 9 — Waele 1982: fig. 54: 74; 10 — Иванчик 2001: рис. 63: 6.
- Рис./Fig. 4.* 1–17 — Медведская 2005: рис. 3: 1–17 (11 — Кармир-блур, 1954, пом. 54-I, архив Б. Б. Пиотровского, ГЭ).
- Рис./Fig. 5.* 1–7 — Медведская 2005: рис. 1–7; 8 — по Махмудов 2008: рис. 31.
- Рис./Fig. 6.* 1–5, 7, 11–12 — Медведская 2005: рис. 2: 1–5, 7, 10–11; 6 — Ghirshman 1939: pl. LVII: S. 79f a–b; 8, 10 — Кашуба 2000: рис. XXX: 6, 12; 9 — Дараган, Кашуба 2011: табл. 73: 5.
- Рис./Fig. 7.* 1, 4–5 — Foltiny 1967: fig. 5: 3; 7: 1; 9: 2; 2 — Мелентьев 1968, рис. 1: 5–7; 3 — Hüttel 1981: Taf. 7: 60.
- Рис./Fig. 8.* 1–3 — Махортых 2003: рис. 24: 6–8; 4–5 — Махортых 2003: рис. 54: 3, 6; 6 — Махортых 2003: рис. 32; 7 — Махортых 2003: рис. 31: 16; 8–10 — Махортых 2003: рис. 55: 5, 17–18; 11 — Медведская 1983: рис. 3: 18; 12–13 — Махортых 2003, рис. 66: 4–5; 14 — Махортых 2003, рис. 67: 2; 15–16 — Müller-Karpe 1959, Taf. 102: 12–13; 17, 19–20 — Ghirshman 1939, pl. LVI: S. 794b, S. 60f, S. 595b; 18 — Waele 1982, fig. 179: № 344; 21 — Козенкова 1995, XXVIII: 11; 22 — Ghirshman 1936, fig. G: 3.
- Рис./Fig. 9.* 1–5 — Джафаров 1993: рис. 5: 1; 6: 6–7, 14; 7: 3; 6–7 — Погребова 2011: табл. XXVII: 5, 11.
- Рис./Fig. 10a.* 1–2 — Махортых 2003: рис. 28: 12–13; 3–4 — Махортых 2003: рис. 14: 24–25; 5–7 — Махортых 2003: рис. 34: 6–8; 8–9 — Махортых 2003: рис. 49: 14; 10–12 — Махортых 2003: рис. 4: 4–6; 13–14 — Махортых 2003: рис. 56: 9–12; 15–16 — Козенкова 2002: табл. 27: 3–4; 17–18 — Вальчак 2009: рис. 48: 5–6; 19 — Berezin, Dudarev 1999: Abb. 10: 1.
- Рис./Fig. 10б.* 20–22 — Махортых 2003: рис. 28: 7–8, 10; 23–26 — Махортых 2003: рис. 48: 9–12; 27 — Махортых 2003: рис. 30: 6; 28 — Махортых 2003: рис. 52: 3; 29 — Козенкова 1995, табл. XXVIII: 7; 30–31 — Махортых 2003: рис. 40: 8, 12.